М (Англ)
Т 62

Джон Рональд Рэл Толкиен

КУЗНЕЦ ИЗ БОЛЬШОГО ВУТТОНА

«МОНОЛОГ»

Джон Рональд Руэл Толкиен

КУЗНЕЦ ИЗ БОЛЬШОГО ВУТТОНА

Сказка

Перевод с английского
ЮРИЯ НАГИБИНА, ЕЛЕНЫ ГИППИУС

Предисловие
Ю. НАГИБИНА

Саратовская
областная библиотека для детей
и юношества им. А. С. Пушкина
199 6

Художник
С. ОСТРОВ

Москва
«Монолог»
1994

ББК 84.4Вл
Т52

J. R. R. Tolkien
SMITH OF WOTTON MAJOR
Boston, Houghton Mifflin Co., 1967.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Считается, что сказки интересны лишь маленьким детям. Это неправда. Есть сказки для маленьких — их обычно любят и многие взрослые люди, есть сказки для взрослых — они не нравятся детям: слишком сентиментальны; есть сказки для больших детей, которых обычно называют детьми среднего и старшего возраста. Никто не знает, где тут пролегает граница, но это дети, которые уже топчутся у порога юности — возраста, который куда приятнее вспоминать, нежели находиться в нем.

Есть такая игра, захватившая весь мир, ее придумал венгерский инженер по фамилии Рубик, отчего игра получила название «Кубик Рубика». Суть ее состоит в том, чтобы сложить определенным образом кубик. Сделать это очень трудно, особенно умным взрослым людям, даже научным работникам, совсем маленькие дети тоже не справляются с кубиком-рубиком — им быстро надоедает. А вот большие дети справляются с ним с обескураживающей быстротой. У них светлые головы, в них заложено не меньше, но и не больше того, что нужно для решения трудной загадки.

Волшебную сказку знаменитого английского писателя Толкиена «Кузнец из Большого Вуттона» малыши просто не осилят, не поможет все очарование бесчисленных чудес, а взрослые спорят о ее смысле вот уже сколько лет, и каждый толкует по-своему. Иные считают это аллегорической — иносказательной — автобиографией старого писателя, умершего тринадцать лет назад. Это говорили еще

при его жизни, и он, наверное, очень смеялся, ибо знал, что те, для кого он писал, наверняка все поняли. А писал он для больших детей, которые молниеносно складывают кубик-рубик и так же легко разбирают запутанную сказочную повесть Толкиена.

Поэтому не ждите, что я попытаюсь растолковать эту сказку. Если в моем лбу когда-то и горела звезда, высветившая Кузнецу из Большого Вуттона путь в Волшебную Страну, то она давным-давно погасла, и я равно беспомощен и перед кубиком инженера Рубика, и перед кубиком писателя Толкиена. Но я уверен, что вы, для которых Толкиен писал свою сказку, а мы переводили, все поймете, если не посчитаете в юной спеси зазорным для себя читать сказку про Волшебную Страну, где под ногами пляшущей Королевы расцветают цветы, а Король зачем-то идет в повара, где простирается Море Безветренной Бури и высится Холм Тени, служащий корнем Королевскому Дереву, и куда приходит Кузнец со звездой во лбу.

Вы поймете, конечно, что тот, у кого горит во лбу волшебная звезда, должен идти за ее путеводным лучом, оставив уютный дом и милую семью, не боясь ни Большого, ни Малого Лиха, ни грозных морских воинов с испепеляющим светом очей из мрачного Царства Островов, подверженного вечной осаде Моря,— идти сквозь леденящий ужас и непосильные человеческому сердцу откровения, чтобы один раз станцевать на зеленом лугу с девушкой, под ногами которой расцветают цветы, чтобы узнать истину добра и укрепиться в том, что счастье и правда у того, кто кует людям радость, а не смертоносное оружие. Вы узнаете и другое: что в какой-то момент надо уступить дорогу идущим следом за вами, когда в их горле зазвучит песня более чистая и звонкая, нежели в вашем, уже усталом, и что нельзя вечно жить в сказке, в мире волшебных поисков, надо когда-то повесить звездный плащ на гвоздь и все скопленное в пути отдать своим близким и своему народу. Но счастлив тот, кто поверил в Страну Чудес и не побоялся ступить в нее. Впрочем, люди, подобные повару Ноксу, вовсе лишенные воображения, не верящие в Волшебную Страну, но умеющие отлично использовать чужой талант и трудолюбие, тоже счастливы в своей самодовольной слепоте. Но, думаю, никто из вас не польстится на такое сытенькое и нищее счастьице.

Но я говорю лишь о том, что доступно мне самому, чья звезда давно закатилась, а те, для кого написана эта сказка, вы́читают здесь куда больше и проникнут в такие тайны, что уже и не снятся старикам.

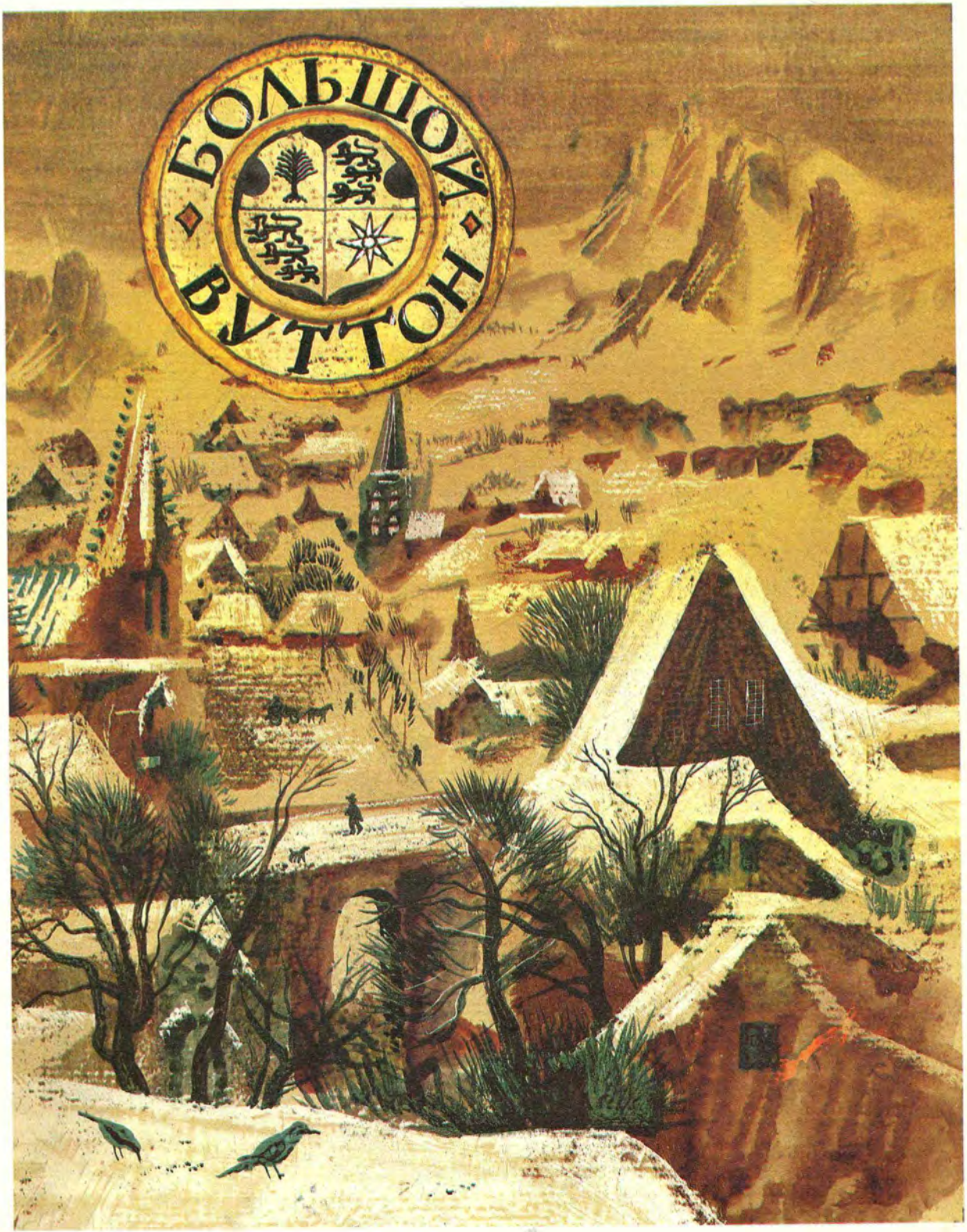
Впрочем, вот что я еще понял: счастья достоин только тот, кто не вступает даже в крошечную сделку с совестью. Толкиену присущ нравственный максимализм, вот почему он будет особенно близок вам, истинным его читателям, ибо таковы вы сами, во всяком случае лучшие из вас. И Кузнец из Большого Вуттона ни при каких обстоятельствах не утрачивал человеческого достоинства, не изменял правде и долгу. Лишь таким людям дается чистая песня, завораживающая окружающих, мощный свет в глазах, умение создавать не однодневки, а вечные ценности, лишь им удается станцевать пьянящий танец с самой Красотой, воплощенной в юной, легконогой девушке, и, не потеряв головы, вернуться в преданную любовь своих домашних.

Мы живем в суровое, даже страшное время, которое, как никогда, требует от человека душевной силы, чистоты, преданности идеалам и стойкости перед Лихом. Не в сказке, а в действительности, уподобившейся аду, под Чернобылем в огненном смертоносном столбе раздался голос молодого пожарного лейтенанта Правика: «Уходите отсюда быстро! Я закончу здесь сам! А МНЕ УЖЕ ВСЕ РАВНО!»

Нет сомнения, что во лбу самоотверженного лейтенанта горела хрустальная звезда.

Маленькая книжка английского сказочника удивительно богата смыслом, я завидую тем, кто поймет ее до последней глубины.

Юрий Нагибин


БОЛЬШОЙ
БУТТОН

МАСТЕР ПОВАР • ЭЛФ
КОРОЛЬ ВОЛШЕБНОЙ СТРАНЫ

Это было не так уж давно для тех, кто умеет помнить, и не так уж далеко для тех, кто не боится дороги. Была на свете деревня, и называлась она Большой Вуттон, не потому, что была такой уж большой, а потому, что была больше, чем Малый Вуттон, который располагался неподалеку, еще глубже хоронясь в лесной чаще. Населяли деревню в те времена люди зажиточные, а по характеру разные, как и везде,— были хорошие, были плохие, были и такие, о ком не скажешь, хорошие они или плохие.

И все же это была не совсем обычная деревня. Она славилась на всю округу мастерством своих ремесленников, но более всего поваренным искусством. В деревне была большая Кухня, она принадлежала Общему Совету, и Мастер Повар считался очень значительным лицом. Дом Повара и Кухня примыкали к Чертогу, самому большому и старому зданию в деревне и самому прекрасному. Его построили давным-давно из хорошего дуба и хорошего камня и с тех пор всегда о нем заботились, но заново не красили и не обновляли позолоту. Жители деревни собирались здесь, чтобы поспорить и посудачить, отметить общий праздник или семейное торжество. Поэтому у Мастера Повара хлопот был полон рот: на каждый случай требовалось наготовить множество разнообразных блюд. В этой деревне любили праздники, а какой праздник без обильного и вкусного угощения?

Хотя праздники бывали частенько, только один приходился на зиму, и его ждали с особым нетерпением. Веселье продолжалось целую неделю, а в последний день на закате солнца устраивали Праздник Хороших Детей. Гостей собиралось не так уж много, и не все из них заслуживали этой чести; некоторые попадали на Праздник по ошибке, а о других, напротив, несправедливо забывали. Ничего не поделаешь, так нередко случается, как бы ни старались всё предусмотреть. А самое главное было —

вовремя родиться, потому что Праздник отмечался лишь раз в двадцать четыре года и приглашенных бывало столько же — двадцать четыре. В этот день все ждали, что Мастер Повар превзойдет самого себя. По традиции, кроме множества всяких лакомств, он должен был испечь Большой Пирог, который люди поминали добрым или недобрым словом до конца дней Мастера,— Пирог всегда оказывался единственным в его жизни.

Однажды Мастер Повар, правивший в ту пору вуттонской Кухней, вдруг заявил, ко всеобщему удивлению, что должен на время отлучиться. И он ушел — никто не знал куда. А когда спустя несколько месяцев вернулся, все заметили, что он сильно изменился. Мастер всегда был добрым человеком и любил, чтобы люди радовались, но сам неизменно оставался серьезным и молчаливым. Теперь же он то и дело смешил окружающих своими забавными выходками, а по праздникам пел вместе со всеми веселые песни, что считалось совсем неподобающим его званию.

А еще он привел с собой Ученика, и это тоже удивило жителей деревни. В самом появлении Ученика не было ничего особенного, каждый Мастер рано или поздно выбирал себе ученика и старался передать ему свои знания и секреты. Шли годы. Ученик начинал постепенно брать на себя самую важную работу, а когда Мастер умирал или уходил от дел, занимал его место. Но на этот раз Мастер Повар не спешил выбирать себе ученика. Он всегда отговаривался тем, что «время еще терпит», что он «глядит в оба и своего не пропустит». И вот он привел с собой простого мальчишку, да к тому же чужака. Тот был гибче и проворнее местных ребят, говорил тихим, вкрадчивым голосом и отличался отменной вежливостью. Но на вид ему было не больше пятнадцати лет, и все решили, что он слишком юн для такой работы. Вмешиваться, однако, никто не смел: выбор ученика

всегда считался привилегией Мастера. Мальчишка остался при Поваре и жил в его доме, пока не повзрослел настолько, чтобы жить самостоятельно. Люди привыкли к нему, с некоторыми из них он даже подружился. Друзья и сам Повар звали его Элф, а остальные — просто Учеником.

Три года спустя случилось еще одно удивительное событие. Однажды весенним утром Мастер Повар снял свой белый колпак, сложил чистые фартуки, повесил на гвоздь белый халат, взял посох из ясеня, небольшой дорожный мешок и отбыл. Он попрощался с Учеником. Больше никого рядом не было.

— Прощай, Элф,— сказал Мастер.— Управляйся с делами один, как получится, а получается у тебя неплохо. Надеюсь, все сложится удачно. Если мы когда-нибудь встретимся, ты мне об этом расскажешь. А людям скажи, что на сей раз я ушел навсегда.

Какой же шум поднялся в деревне, когда Ученик передал людям слова Повара!

— Как он мог?! — возмущались они.— Не предупредить, не попрощаться! А нам что прикажете делать? Он даже не оставил никого, кто мог бы занять его место!

Среди этих разговоров никому не пришло в голову назначить Мастером Поваром Ученика. Конечно, он немного подрос, но выглядел еще совсем юным да и прослужил всего лишь три года.

В конце концов за неимением никого лучшего люди доверили высокий пост своему односельчанину, который стряпал вполне прилично. В молодости он, случалось, помогал на кухне в самое хлопотливое время, но Мастер относился к нему с прохладцей и не хотел брать в ученики. Теперь у него уже были жена и дети, он отличался плотным телосложением и осторожностью в денежных делах.

— Этот, по крайней мере, не сбежит,— говорили люди,— и уж лучше плохая стряпня, чем вообще никакой. До следующего Праздника еще семь лет, а за это время он чему-нибудь да научится.

Нокс (именно так звали нового Мастера) был очень рад подобному обороту дел. Он давно мечтал стать Мастером Поваром и не сомневался в своих способностях. Иногда, оставшись на кухне один, он надевал белый поварской колпак и любовался на себя в начищенную до блеска сковородку.

— Как поживаете, Мастер? — говорил он своему отражению.— Этот колпак вам очень к лицу, сшит как будто по вашей мерке. Надеюсь, и дела у вас пойдут недурно.

Поначалу дела и впрямь шли недурно, Нокс старался изо всех сил, а Ученик помогал ему. Мастер не раз исподтишка подглядывал за своим Учеником и многое перенимал у него, хотя

ни за что бы в этом не признался даже самому себе. Время шло, приближался Великий Праздник, и Нокс все чаще стал задумываться о Большом Пироге. В глубине души он был очень обеспокоен. Конечно, он многому научился за эти семь лет, и у него получались вполне приличные торты и пирожные, но ведь Большой Пирог — совсем другое дело, его ждут так долго, что потом придираются к каждой мелочи. Да и судят не только дети; обычно для тех, кто приходил помогать во время Праздника, пекли пирог поменьше, но точно такой же, как большой. Каждому новому Большому Пирогу полагалось отличаться от предыдущего и удивлять всех чем-нибудь необычным.

Нокс считал, что самое важное для пирога — быть как можно слаще и затейливей, и он решил целиком покрыть его сахарной глазурью (она так хорошо удавалась Ученику). «Это украсит

пирог и придаст ему волшебный вид»,— думал Нокс. Он знал, что дети любят все сладкое и все волшебное. К волшебному, правда, быстро охладевают, а сладкое любят до старости. Нокс и сам был сластеной. «Постойте, постойте! Волшебный вид... Это наводит меня на мысль!» Вот так случилось, что Нокс решил посадить на верхушку Пирога куколку, одетую в белое, с волшебной палочкой в руке, на конце которой сияла бы звезда из фольги, а у ног ее написать розовой глазурью: «Королева фей». Однако не успел он замесить тесто, как понял, что имеет весьма смутное представление о том, что нужно класть в Пирог. Нокс полистал старые книги с рецептами, оставленными прежними поварами, но, даже когда удавалось разобрать почерк, смысл написанного ускользал от него. О многих специях он никогда раньше не слышал, о других же просто забыл, и отыскивать их теперь было слишком поздно. Все же он решил, что Пирогу не повредят некоторые пряности, о которых говорилось в книгах; и тут, почесав в затылке, он вспомнил о старой черной коробке из нескольких отделений, в которой прежний Повар держал приправы для особых случаев. С тех пор как Нокс сам стал Поваром, она ни разу не попадалась ему на глаза, но теперь, поискав, он обнаружил ее в кладовой, на верхней полке. Но когда он открыл коробку, предварительно сдув с крышки слой пыли, то оказалось, что пряностей внутри почти не осталось, а те, что были, высохли и заплесневели. В одном из отделений в углу Нокс нашел маленькую звезду, размером едва ли больше монетки. Она была совсем черная и казалась сделанной из серебра и покрытой патиной.

— Забавно,— сказал Нокс, поднося звезду поближе к свету.

— Это вовсе не забавно.— Голос за его спиной прозвучал так неожиданно, что Нокс даже подпрыгнул. Это был голос Ученика.

Никогда еще раньше он не разговаривал так с мастером. Он вообще редко обращался к Ноксу первым, лишь отвечал, если

его спрашивали. Так и надо вести себя со старшими. Возможно, глазурь у него и неплохая, но вообще ему надо еще учиться и учиться — таково было мнение Нокса.

— Что ты хочешь этим сказать? — Нокс был раздосадован.— Разве она не забавная?

— Она волшебная! Она из Волшебной Страны.

Тут Повар рассмеялся.

— Ну ладно, ладно. Разница не велика, называй это, как тебе хочется. Вырастешь — поумнеешь. А теперь ступай чистить изюм и, если вдруг тебе попадутся волшебные изюминки, не забудь сказать мне...

— Что вы собираетесь сделать со звездой, Мастер? — спросил Ученик.

— Запеку ее в Пирог, конечно. Как раз то, что надо, особенно если она волшебная.— Нокс хмыкнул про себя.— Ты же ходил на

детские праздники, и не слишком давно, небось помнишь, что в пироги запекают монетки и разные безделицы. По крайней мере, в нашей деревне так принято — это забавляет детей.

— Но это не безделица, Мастер, а Волшебная Звезда,— сказал Ученик.

— Я уже слышал! — резко перебил Повар.— Хорошо, я так и скажу детям, они от души посмеются.

— Не думаю, Мастер. И все же вы правильно решили.

— Не забывай, с кем ты разговариваешь,— сказал Нокс.

Настало время, когда Пирог был испечен и покрыт глазурью, и все руками Ученика.

— Если уж ты так любишь волшебство,— сказал ему Нокс,— я, пожалуй, разрешу тебе сделать Королеву Фей.

— Хорошо, Мастер, я все сделаю, раз вы слишком заняты. Но это не моя придумка.

Саратовская
областная библиотека для детей

— Придумывать — не твоего ума дело,— важно сказал Нокс.

И вот Пирог стоял в центре праздничного стола, в кольце из двадцати четырех свечей. Середина его была сделана в форме белой горы, по краям росли деревца, покрытые как бы слоем инея, а вершину венчала крошечная белая фигурка. Она стояла на одной ножке, как танцующая снежинка, и протягивала вперед сверкающую волшебную палочку.

Дети смотрели на нее широко открытыми глазами, многие хлопали в ладоши:

— Какая хорошенькая! Совсем как волшебная!

Такие слова очень порадовали Повара, а Ученик, напротив, казался огорченным. Они оба стояли поблизости, Мастеру предстояло вскоре разрезать пирог на куски, а для этого Ученик должен был наточить нож и подать ему.

Наконец Повар взял в руки нож и выступил вперед.

— Должен вам сказать, дорогие мои,— начал он,— что под этой великолепной глазурью скрывается очень вкусный пирог: он был сделан из всевозможных лакомств, но, кроме этого, вы найдете в нем много разных безделиц, монеток и прочего, а это, говорят, приносит счастье. Их там как раз двадцать четыре — по одной на каждого, если, конечно, Королева Фей будет справедлива. А она может и пошутить — она такая озорница! Спросите хоть моего Ученика.

Но Ученик в этот момент отвернулся и вглядывался в лица детей.

— Ах, да! Чуть не забыл,— продолжал Повар,— этих безделушек сегодня двадцать пять, а двадцать пятая — серебряная звезда, волшебная, как говорит мой Ученик. Так что будьте осторожны. Если кто-нибудь из вас сломает об нее свои зубки, то волшебство горю не поможет. Но все равно ее-то, я думаю, вам будет особенно приятно найти.

Пирог был очень вкусен, и, конечно, никто бы не посетовал,

окажись он куда больше. Всем досталось по хорошему куску, но на добавку не хватило. Куски быстро исчезали, то и дело кто-нибудь находил монетку или какую-то безделицу — кто одну, кто две, а кто и не одной. Ведь счастье не разделишь поровну между всеми, и никакая кукла с волшебной палочкой этому не поможет.

Но вот весь пирог был съеден, а волшебной звезды в нем так и не нашли.

— Чудеса,— сказал Повар.— Значит, она была все-таки не серебряная. Не иначе как она растаяла. А может быть, Ученик прав: звезда и впрямь была волшебная и вернулась обратно в Волшебную Страну? Ну, тогда она оставила нас всех в дураках.— И он, ухмыльнувшись, посмотрел на Ученика, а Ученик посмотрел на него своими темными глазами, и во взгляде его не было улыбки.

Серебряная звезда и вправду была волшебная, кто-кто, а Ученик не мог в этом ошибиться. А случилось вот что! Один из мальчиков проглотил ее и даже не заметил. До этого он нашел

монетку в своем куске пирога и отдал ее Нелли, девочке, сидевшей рядом с ним: она глотала слезы, огорченная тем, что счастье обошло ее. Потом мальчик часто думал о том, куда же девалась звезда, и не знал, что она находилась в нем самом. Звездочка притаилась, ожидая своего часа, и мальчик совсем ее не чувствовал.

Зима прошла, наступил июнь, и теперь даже ночью не было темно. Однажды мальчик проснулся еще до рассвета, он просто не мог спать — ведь сегодня ему исполнялось десять лет. Он выглянул в окно, весь мир, казалось, замер и ждал чего-то. Вот пронесся свежий, ароматный утренний ветерок и разбудил деревья. Потом рассвело, и мальчик услышал, как где-то там, вдали, рождается рассветная песня птиц. Она звучала все сильнее и ближе и, наконец, накрыла его с головой, заполнила собой все кругом и отхлынула, уносясь на запад, а над краешком земли показалось солнце.

— Это напоминает мне Волшебную Страну,— услышал он вдруг свой голос.— Только там люди тоже поют на рассвете.— И мальчик запел высоким чистым голосом; откуда ему было знать слова этой песни, а он помнил их наизусть.

И тут звезда вылетела из его горла, и он поймал ее в открытую ладонь. Чистая и яркая, она сверкала на солнце, но ее била дрожь, и вдруг она встрепенулась, словно готовясь улететь. Не думая, мальчик хлопнул ладонью по лбу, и звезда осталась там на долгие годы.

Мало кто в деревне замечал ее, хотя она была видна внимательному глазу. Звезда стала как бы частью лица мальчика и обычно не светилась. Зато глаза его излучали свет, а голос становился год от года все прекраснее, и люди любили слушать его, даже когда он просто говорил: «С добрым утром». А он еще прославился далеко за пределами родной деревни как замечательный мастер. Отец его был кузнецом, и мальчик стал кузнецом,

но куда более искусным. Пока отец был жив, мальчика звали «кузнецов сынок», а потом просто Кузнецом; к тому времени он стал уже лучшим мастером в округе. Какие только изделия не выходили из его кузницы! Конечно, большей частью то были простые, полезные вещи для повседневной жизни и работы: кастрюли и сковородки, засовы и щеколды, крюки и подставки, плуги и тесаки и, конечно, подковы. Все они отличались прочностью, служили долго, но было еще одно: на этих удобных, изящных по-своему предметах отдыхал глаз.

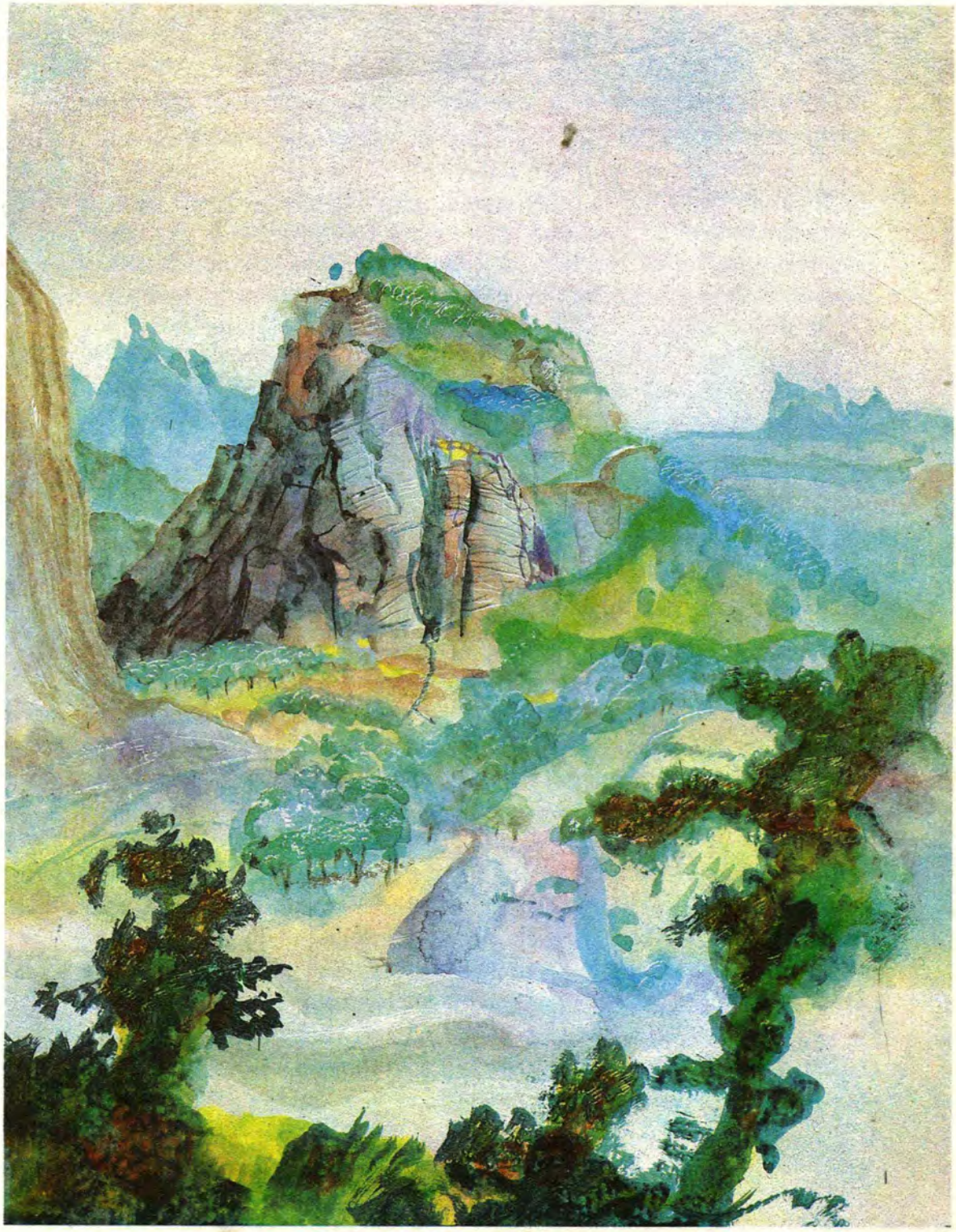
В свободное время Кузнец делал поковки просто для того, чтобы порадовать людей. Он умел придавать железу легкость и красоту цветка, но цветок этот сохранял строгую силу металла и казался еще прочнее, чем сам металл. Нельзя было пройти мимо решетки или ворот, которые он сделал, не залюбовавшись, но попробуй их открыть, когда они заперты! Делая что-нибудь для души, кузнец пел за работой, и люди сразу забывали свои дела и приходили под окна кузницы.

Вот и все, что знали о нем. По общему мнению, он многого добился, гораздо большего, чем самые умные и трудолюбивые из односельчан. Но не это было для него главным. Кузнец уже начал знакомиться с Волшебной Страной, исходил там немало дорог и троп.

Но окружающие все больше становились похожими на старого Нокса, поэтому Кузнец ни с кем не говорил об этом, кроме своей жены и детей. Его жену звали Нелли (это ей он дал когда-то монетку из пирога), и у них были дети: дочь Нэн и сын Нед. От них все равно нельзя было ничего скрыть, ведь они видели, как он уходил куда-то под вечер, а когда возвращался — через день ли или через много дней,— Звезда ярко светилась у него во лбу.

Когда Кузнец пускался в путешествие, все равно — пешком или верхом, люди думали, что он отправляется по делам. Иногда так и бывало, только эти дела не имели ничего общего с закупкой чугуна и угля или получением заказов. Кузнец никогда не пренебрегал своей работой и возможностью честно превратить пенни в двухпенсовик, но в Волшебную Страну его вели совсем другие помыслы.

Он был желанным гостем там, и, пока Звезда сияла у него во лбу, ему ничто не угрожало. Впрочем, можно ли сказать это с уверенностью о смертном в стране тайн и опасностей? Надо думать, Малое Лихо избегало света Звезды, а от Большого Лиха он был кем-то храним. Сердце его исходило благодарностью; обретя мудрость, он знал, что к чуду можно приблизиться только через опасность, а простому человеку не по силам искушать Великое Лихо. Да Кузнец к этому и не стремился, в нем не было никакой воинственности, он оставался любознательным путником. Конечно, со временем он мог бы научиться ковать могучее, легендарное оружие, которому в его мире не было б цены: но он знал, что в Волшебной Стране это не прибавит ему чести.



И среди многочисленных изготовленных им вещей никто не припомнит меча, копья или наконечников для стрел.

Вначале Кузнец лишь тихо бродил среди малого народа и кротких обитателей лесов и равнин, по берегам ясных вод, в которых ночью отражались незнакомые созвездия, а на заре — сверкающие пики далеких гор. Но случалось, его завораживал какой-то один цветок или деревце, и он ничего больше не видел.

Позже, во время долгих путешествий, ему открывались чудеса, несущие в себе такую красоту и вместе — такой ужас, что они оставались скорее нарезанными на сердце, нежели запечатленными в памяти, и он не умел рассказать о них близким. Но было множество воспоминаний о чудесах и тайнах Волшебной Страны, которыми он охотно делился.

Когда Кузнец начал уходить на далекие прогулки без провожатого, он вообразил, что скоро достигнет дальней границы этой страны, но путь ему преградили горы. Он долго огибал их окольными тропами и наконец вышел на пустынный берег. Перед ним простиралось Море Безветренной Бури, где волны рождаются из Сумрака и тихо катятся к берегу. Гребни их похожи на скованные льдом горные вершины; они несут белые корабли, что возвращаются после битв в таинственных Черных Топях. Кузнец видел, как волны подняли корабль и вынесли на берег даже без слабого всплеска и так же тихо отступили белой пеной. Перед ним предстали высокие и грозные эльфийские моряки, их мечи и копья сверкали, испепеляющий свет струился из очей. Их грубые голоса вдруг слились в торжествующей песне победы, и сердце Кузнеца содрогнулось от ужаса. Он упал ниц и закрыл лицо руками, а морские воители прошли над ним, и эхо разнеслось в горах. Больше он никогда не ходил на этот берег, потому что понял, что попал в Царство Островов, которому суждено вечно выдерживать вечную осаду Моря.

Теперь он устремился к горам, желая попасть в самое сердце страны. Однажды в пути его накрыла серая мгла, и он долго блуждал в растерянности. Но вот мгла отступила, и он увидел кругом бескрайнюю равнину, а далеко впереди Холм Тени. Тень

была огромным корнем, из которого росло и устремлялось вверх, к небу, Королевское Дерево. Оно излучало свет, яркий, как солнце в полдень, и несло на своих ветвях бесчисленные листья, цветы и плоды, и ни один лист или цветок не был похож на другой.

Лишь раз дано было Кузнецу увидеть это дерево, хотя он часто потом искал его. Однажды, карабкаясь в поисках Дерева по склонам Внешних Гор, он попал в глубокую расщелину. На дне ее лежало озеро. Ветер шелестел в ветвях деревьев, но гладь озера оставалась чистой. Все кругом было озарено багровым светом, как во время заката, но свет этот исходил от самого озера.

Кузнец глянул вниз с нависшего над водой утеса, и ему показалось, что он проник в тайные глубины; языки пламени извивались там, как гигантские водоросли в морской бездне, а между ними сновали огненные существа. В изумлении он спустился к краю воды и попробовал ее ногой. Но это была не вода: он ощутил твердую, как камень, и гладкую, как стекло, поверхность. Кузнец сделал шаг вперед и тотчас же упал. Гулкое эхо пронеслось над озером, и в один миг ветер превратился в Ураган. С ревом дикого зверя он смел Кузнеца с поверхности озера и швырнул на берег, а потом потащил вверх по склону, вертя и бросая, как опавший листок. Кузнец обхватил руками ствол молодой березы и прижался к нему, и хотя Ураган неистово пытался разъединить их, но в своем порыве он лишь согнул березу так, что она укрыла Кузнеца ветвями.

Когда Ураган наконец отступил, Кузнец поднялся и увидел, что береза стоит нагая, ни одного листика не осталось на ней, она плакала, и слезы, как капли дождя, падали с ее веток. Кузнец погладил ее белую кору и сказал:

— Храни тебя бог! Чем я могу отблагодарить тебя?

Ладонь его услышала ответ дерева:

— Ничем. Уходи. Ураган преследует тебя. Ты чужой здесь. Уходи и никогда больше не возвращайся!

Когда он выбирался из расщелины, слезы березы текли по его лицу, и он чувствовал их горечь на губах. А потом он долго брел по дороге; сердце его было полно грусти, и он решил, что больше сюда не вернется. Когда же он все-таки вернулся, не в силах бороться с собой, им владело лишь одно желание — попасть в глубь страны.

Наконец он все-таки нашел дорогу сквозь Внешние Горы и добрался по ней до склонов Внутренних Гор, высоких, отвесных и грозных. Он отыскал и тропу, по которой можно было взобраться, и вот наступил день, когда, едва сдерживая трепет своего сердца, он прошел через узкую расщелину и заглянул вниз, в Долину Вечного Утра (хотя он, конечно, не знал, что это она). Трава там куда зеленее, чем на лугах внешней части страны, а воздух так прозрачен, что, когда маленькие крапивники заводят свои песни на ветвях деревьев на другом склоне долины, видно, как красные язычки трепещут в их горлышках.

Горы спускались в Долину длинными скатами, и Кузнец с радостным сердцем устремился вниз, следуя за пенящимися струями водопадов. Как только он ступил на траву Долины, до него донеслось пение эльфов, и у реки, на поляне, усыпанной лилиями, он увидел множество танцующих девушек. Он смотрел, очарованный, на их быстрые, грациозные движения, которые, казалось, никогда не повторялись, и вдруг шагнул им навстречу. Девушки замерли, и одна, совсем юная, с развевающимися волосами, в легкой тунике с трепещущими складками, вышла из круга и подошла к нему.

— Не слишком ли ты осмелел, Звездоносный гость? — сказала она, смеясь.— Разве ты не боишься гнева Королевы? Или, может быть, у тебя есть ее разрешение?

Кузнец смутился: она проникла в его безотчетные чувства. Ему и правда казалось, что Звезда у него во лбу давала право идти куда пожелаешь; теперь он понял, что ошибался. Но тут девушка снова улыбнулась и, взяв его за руку, сказала:

— Идем. Раз уж ты здесь, ты будешь танцевать со мной.— И ввела его в круг.

На мгновение ему дано было ощутить в себе, в своем теле всю стремительность, силу и радость необыкновенного танца. Это было так мимолетно! Вихрь замер. Они снова стояли друг

возле друга. Девушка нагнулась и, сорвав одну из белых лилий, воткнула ему в волосы.

— Теперь прощай. Может быть, мы еще встретимся, если на то будет воля Королевы.

Он не помнил, как проделал обратный путь, и очнулся уже на дорогах своей страны. Жители окрестных деревень в изумлении провожали его взглядами. Когда он достиг дома, навстречу ему с радостными криками выбежала дочка: он вернулся раньше, чем его ждали, но все равно, когда ждешь, время тянется так долго.

— Где ты был, папа? — спросила она. — Твоя Звезда так ярко светится!

Но вот он переступил порог, и Звезда померкла. Нелли взяла мужа за руку и подвела к очагу, внимательно вглядываясь ему в лицо:

— Где же ты был, родной? Что видел? У тебя цветок в волосах...— И она осторожно вынула цветок.

Он лежал у нее на ладони, но казалось, что он далеко-далеко. В комнату уже вступили сумерки. Цветок излучал свет, на стены комнаты ложились тени. Тень Кузнеца внезапно выросла, и гигантская голова склонилась над Нелли.

— Ты похож сейчас на великана, папа! — произнес вдруг сын Кузнеца, который до этого не проронил ни слова.

Цветок так и не завял, и свет его не померк. Семья оберегала его как тайну и сокровище. Кузнец сделал для него шкатулку, запирающуюся на ключ, и там он хранился, переходя из поколения в поколение. Те, кто наследовал ключ, иногда открывали шкатулку и смотрели на Живой Цветок, пока шкатулка снова не захлопывалась; и угадать, когда она захлопнется, было не во власти людей.

Время не обходило Большой Вуттон стороной. Минуло много лет. На Празднике, когда Кузнец получил Звезду, ему не было еще и десяти. Потом был еще один Праздник, Элф стал уже Мастером Поваром и выбрал нового Ученика, по имени Харпер. Спустя еще двенадцать лет Кузнец вернулся с Живым Цветком. А этой зимой готовился следующий Праздник.

Однажды Кузнец брел по лесу во внешней части Волшебной Страны. Была осень. Желтые листья еще держались на деревьях, красные лежали на земле. Вдруг сзади послышались шаги, но Кузнец даже не оглянулся — так глубоко он был погружен в свои мысли.

На этот раз он явился по приглашению, и путь ему пришлось проделать неблизкий. Так далеко он, кажется, не уходил никогда в жизни. Его направляли и охраняли, но он плохо помнил дорогу, потому что глаза его часто словно бы застилала мгла или тень. Наконец он очутился на возвышенности, под куполом

ночного неба с бесчисленными звездами. Там он предстал перед самой Королевой. У нее не было ни короны, ни трона. Она стояла в своем величии и славе, окруженная грозным воинством; доспехи мерцали, искрились, как звезды над головой, но Королева была выше острия их длинных копий, и вокруг ее чела горело белое пламя. Она подала Кузнецу знак приблизиться, и, дрожа, он сделал шаг вперед. Высоко и чисто пропела труба — и они остались одни.

Он стоял перед ней, не преклонив колен, настолько приниженный, что не способен был даже к положенному жесту вежливости. Наконец он осмелился поднять глаза и увидел ее лицо и строго опущенный на него взгляд. Он был поражен и взволнован, потому что в этот миг узнал ее — прекрасную девушку из Зеленой Долины, танцовщицу, под ногами которой распускались цветы. Она улыбнулась, прочтя в его глазах воспоминание, и приблизилась к нему. Они говорили долго, почти без слов. Он узнавал от нее о многих вещах, что-то приносило огромную радость, что-то переполняло горем. Мысль его побежала вспять, в прожитую им жизнь, пока не добралась до того Праздника, когда он получил Звезду. Он вдруг ясно увидел фигурку маленькой танцовщицы с волшебной палочкой и со стыдом опустил глаза перед красотой Королевы. Но она лишь засмеялась, как смеялась тогда, в Долине Вечного Утра.

— Не грусти обо мне, о Звездоносный! И не стыдись тех, с кем ты рос и жил. Маленькая кукла на пироге — все же память о Волшебной Стране. Для одних это лишь проблеск, для других — пробуждение. С того самого дня ты всегда мечтал увидеть меня, и я исполнила твое желание. Больше я ничего не могу тебе дать. На прощание я поручаю тебе быть моим гонцом. Если ты встретишь Короля, скажи ему так: «Время настало. Ему выбирать».

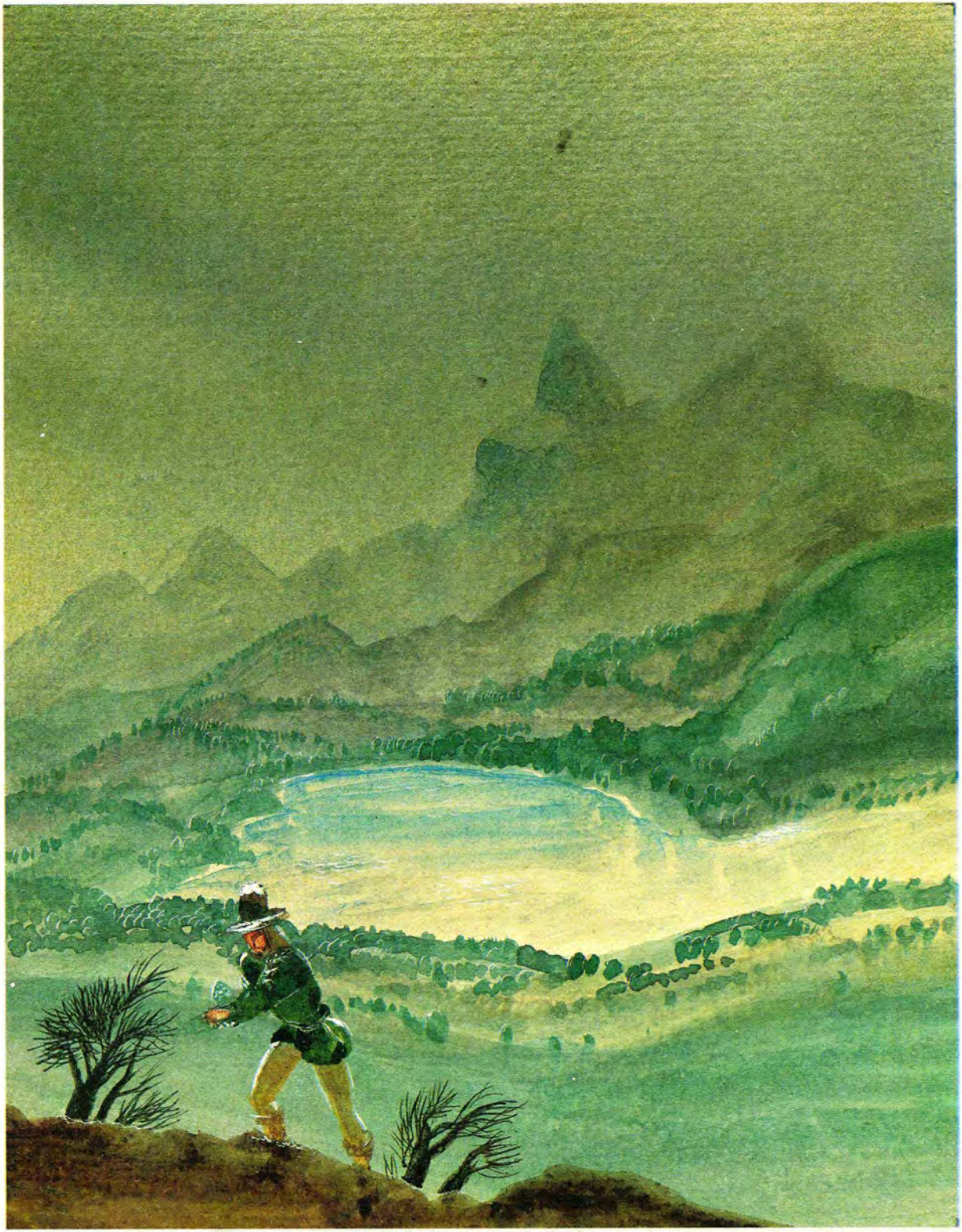
— Но, Королева...— Кузнец запнулся.— Где же мне найти Короля? — Он и раньше часто задавал этот вопрос жителям Вол-

шебной Страны, но они все отвечали одно и то же: «Он не сказал нам».

— Если он не сказал тебе,— отвечала Королева,— то и я не могу. Но он много путешествует, его можно встретить в самых неожиданных местах. А теперь преклони колена.

Кузнец преклонил колена, а она нагнулась и положила руку ему на голову. Все в нем замерло, и казалось, он пребывает одновременно и в мире простых людей, и в Волшебной Стране, и вне волшебства, сам по себе, и на все смотрит как бы со стороны, а в душе его смешались тяжесть утраты, и счастье обладания, и покой. Потом оцепенение прошло, он поднял голову и встал. На небе уже занялась заря, звезды побледнели, и Королева исчезла. Далеко в горах он услышал эхо отзвука трубы. Высокий луг, где он стоял, был тих и пуст, и он понял, что теперь путь его лежит назад, в боль утраты.

Он брел среди опавших листьев, думая обо всем, что увидел и узнал. Луг остался далеко позади. Сзади слышались шаги, они



приближались. Внезапно совсем рядом чей-то голос произнес:

— Похоже, нам по пути, Звездоносный.

Кузнец вздрогнул и очнулся от своих мыслей. Рядом с ним шел человек. Он был высокого роста, шагал легко и быстро, и тень от капюшона темно-зеленого плаща скрывала его лицо. Кузнец был озадачен. Только жители Волшебной Страны называли его Звездоносным, но ему казалось, что он никогда не встречал тут этого человека, и все же смутное чувство подсказывало, что он знает его.

— Смотря в какую сторону ты идешь,— ответил он наконец.

— Я иду в твою деревню, надеюсь, что и ты тоже.

— Да, и я тоже,— сказал Кузнец.— Что ж, пойдем вместе. Но постой, я чуть не забыл. Перед тем как я начал путь домой, Королева просила меня передать одно известие. Что мне делать? Мы скоро покинем пределы Волшебной Страны, но я уже никогда на вернусь сюда. А ты? Ты еще вернешься?

— Да, я вернусь. Ты можешь передать через меня.

— Это нужно передать Королю. Разве ты знаешь, где его найти?

— Знаю. Говори, что она просила тебя передать.

— Только одно: *«Время пришло. Ему выбирать»*.

— Я все понял. Забудь об этом.

Дальше они пошли рядом. Оба молчали, лишь листья шелестели у них под ногами. Спустя некоторое время — они все еще находились в пределах Волшебной Страны — человек вдруг остановился. Он повернулся к Кузнецу лицом и откинул капюшон. И тут Кузнец узнал его. Это был Элф. Ученик, как Кузнец по-прежнему называл его про себя. Он навсегда запомнил тот день, когда еще юный Элф стоял под сводами Чертога; в руках он держал нож для разрезания Пирога, и в глазах его горели отблески свечей. Сейчас он старый человек, ведь сколько уже

лет состоит он Мастером Поваром. Но здесь, под сенью Внешнего Леса, его можно принять за прежнего Ученика, разве что возмужавшего: в волосах ни сединки, на лице ни морщины, а глаза сияли, словно отражая свет.

— Я бы хотел поговорить с тобой, Кузнец, сын Кузнеца, пока мы не ушли отсюда,— сказал Элф.

Кузнец удивился. Он и сам давно хотел поговорить с Элфом, но ему это никогда не удавалось. Элф всегда вежливо приветствовал его и относился к нему по-дружески, но, казалось, избегал откровенных разговоров. Вот и сейчас он посмотрел на Кузнеца с улыбкой, но вдруг поднял руку и указательным пальцем коснулся Звезды. Свет в его глазах тотчас потух, и Кузнец понял, что этот свет исходил от Звезды и что она, наверное, ярко сияла, а сейчас померкла. В изумлении он отшатнулся от Элфа.

— Не думаешь ли ты, Мастер Кузнец,— сказал тот,— что пришло время тебе с ней расстаться?

— Что тебе до этого, Мастер Повар? И почему я должен с ней

расстаться? Разве она не принадлежит мне? Она была мне дарована, и разве человек не может хранить то, что связано для него с самой дорогой памятью?

— Можно хранить то, что подарено на память. Но есть вещи, которые не должны всегда принадлежать одному человеку и не переходят по наследству. Они даются лишь на время. Тебе, похоже, не приходило в голову, что Звезда когда-нибудь сменит хозяина. Теперь это время настало.

Кузнец разволновался. Он был щедрым человеком и сейчас с благодарностью вспомнил все хорошее, что принесла ему Звезда.

— Что же я должен сделать? — спросил он.— Отдать ее одному из властителей Волшебной Страны? Может быть, Королю? — И при этих словах в его сердце проснулась надежда: вдруг ему снова разрешат, хотя бы еще один раз, войти в Волшебную Страну.

— Ты мог бы отдать ее мне,— сказал Элф,— но, боюсь, это будет тебе слишком трудно. Лучше пойдем вместе в кладовую, и ты положишь ее в ту самую старую черную коробку, куда ее положил твой дедушка.

— Я этого не знал,— удивленно сказал Кузнец.

— Этого никто не знал, кроме меня. Я один был тогда с ним.

— Тогда ты, наверное, должен знать, как он нашел Звезду и почему он положил ее в коробку?

— Разумеется. Он принес ее из Волшебной Страны, и ему хотелось сохранить ее для тебя, своего единственного внука. Он так и сказал мне в надежде, что я ему помогу. Это был отец твоей матери. Не знаю, рассказывала ли она тебе о нем, да и вряд ли сама много знала. Его звали Райдер-Путешественник. Он и вправду много путешествовал и многое увидел и узнал, прежде чем обосновался здесь, в этой деревне, и стал Мастером Поваром. Тебе было всего лишь два года, когда он ушел, и твои

односельчане не нашли ничего лучшего, как выбрать Мастером беднягу Нокса. И все же, как мы и предполагали, в конце концов Мастером стал я. В этом году я снова испеку Большой Пирог — единственный Повар на памяти людей, который сделает это дважды. Я хочу положить в него Звезду!

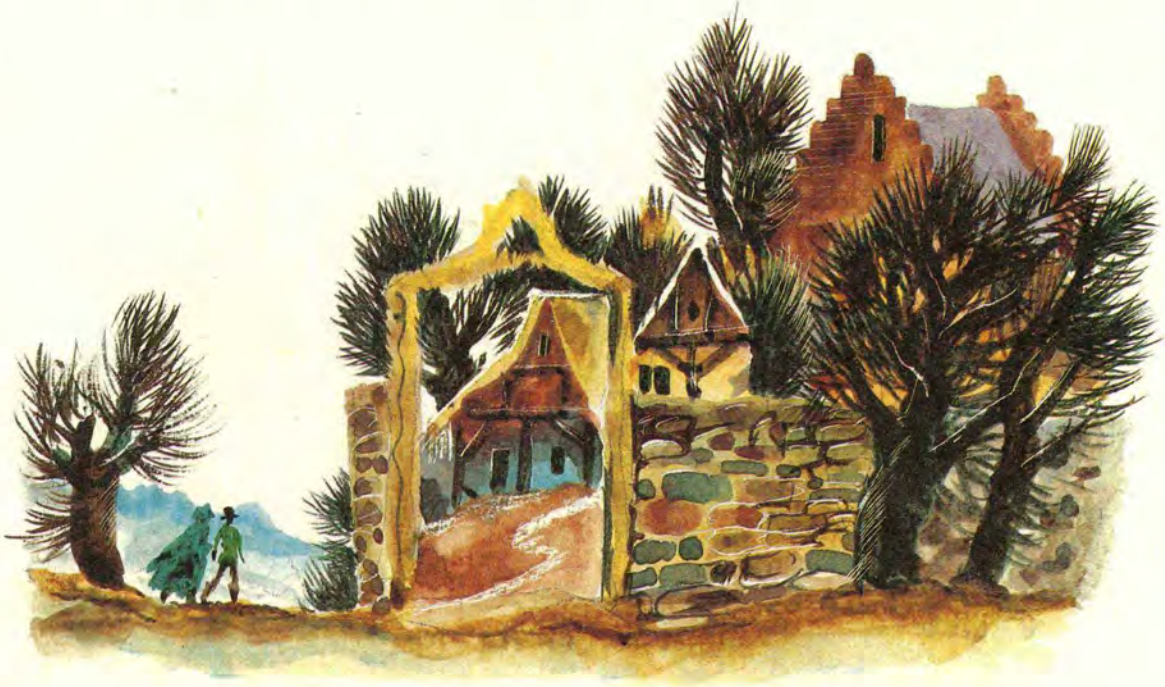
— Хорошо, ты получишь ее,— сказал Кузнец. Он пристально посмотрел на Элфа, как будто стараясь проникнуть в его мысли.— А ты знаешь, кто ее найдет?

— Что тебе до этого?

— Мне бы хотелось знать. Возможно, мне будет легче расстаться с такой важной для меня вещью. Но боюсь, что сын моей дочери еще слишком мал.

— Возможно, тебе и будет легче, а возможно, нет. Посмотрим,— ответил Элф.

Они продолжали свой путь молча, пока не вышли за пределы Волшебной Страны и не вернулись наконец в деревню. Там они сразу направились к Чертогу. В мире людей заходило солнце, и в



окнах Чертога отражался алый свет. На позолоченной резьбе Главных Ворот тоже лежал отблеск заката, и незнакомые разноцветные лица смотрели на Кузнеца сверху, из-под крыши. Не так давно Чертог заново покрасили и позолотили. В Совете по этому поводу было много споров: не всем пришлись по душе «новомодные затеи», и лишь более умные поняли, что это возвращение к старым традициям. Но поскольку никаких расходов не потребовалось — за все расплатился сам Мастер Повар,— страсти быстро угомонились. Кузнец никогда не видел Чертог при таком освещении; он стоял, закинув голову, забыв обо всем на свете. Вдруг он почувствовал прикосновение к своей руке. Элф провел его к маленькой задней двери, открыл ее, и они вместе прошли по темному коридору в кладовую. Там Элф зажег высокую свечу, отпер буфет и достал с полки ту самую черную коробку. Ее недавно отполировали и украсили серебряными завитками. Элф поднял крышку и показал коробку Кузнецу; одно маленькое отделение в углу было пусто. Остальные теперь были полны свежих, едких пряностей, и у Кузнеца засле-

зились глаза. Он поднес руку ко лбу, и Звезда с готовностью легла ему на ладонь. Его пронзила острая боль, и слезы хлынули из глаз. Звезда ярко светилась у него на ладони, но он видел лишь размытое пятно света, которое казалось таким далеким.

— Я плохо вижу,— сказал он Элфу.— Положи ее сам.

Элф взял Звезду с его ладони и положил ее в коробку, и в тот же миг она погасла.

Кузнец молча повернулся и ощупью стал пробираться к двери. На пороге зрение его прояснилось. Он увидел, что уже наступил вечер и в небе светится луна, а рядом с ней вечерняя звезда. Он постоял немного, любуясь на них, как вдруг почувствовал чью-то руку на своем плече и обернулся.

— Ты отдал мне Звезду по доброй воле,— сказал Элф.— Если ты все еще хочешь знать, кому она достанется, я скажу тебе.

— Конечно, очень хочу.

— Так вот. Она достанется тому, кого ты сам выберешь.

Кузнец вздрогнул. Он ответил не сразу, но наконец произнес с сомнением в голосе:

— Не знаю, что ты скажешь о моем выборе. Я думаю, тебе не очень-то приятно слышать имя Нокса, но, знаешь, его правнук Тим, Нокс из Таунсэнда, будет на этом Празднике, и я подумал... Ноксы из Таунсэнда совсем не такие...

— Я тоже думал об этом,— сказал Элф.— У мальчика мудрая мать.

— Да, сестра моей Нелли. Но я люблю Тима вовсе не за то, что он мой родственник. Наверное, я не могу настаивать...

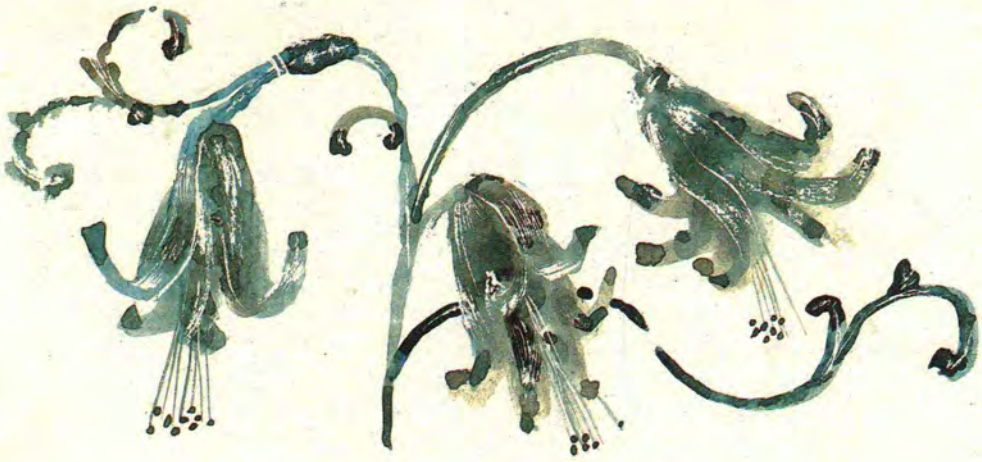
Элф улыбнулся:

— Можешь, хотя в том нет нужды. Наш выбор совпал.

— Тогда зачем же ты спросил меня?

— Так хотела Королева. Если бы твой выбор упал на кого-нибудь другого, я уступил бы тебе.

Кузнец посмотрел на Элфа и вдруг низко поклонился:



— Я понял наконец, господин. Это большая честь.

— Ты достоин ее. А теперь ступай домой с миром.

Когда Кузнец дошел до западной окраины деревни, где был его дом, он увидел, что сын его стоит на пороге кузницы. Он, видимо, только что запер ее. Работа на сегодня была закончена, и теперь он стоял и смотрел на белую дорогу, туда, откуда его отец обычно возвращался из путешествий. Заслышав шаги, он с удивлением обернулся и увидел, что отец шагает со стороны деревни. Он побежал ему навстречу и с любовью обнял его:

— Я жду тебя со вчерашнего дня, папа.— Потом он заглянул отцу в лицо и сказал с беспокойством: — Ты выглядишь таким усталым. Ты, наверное, долго шел?

— Долго, сынок. Я проделал сегодня весь путь от Рассвета до Заката.

Они вместе вошли в дом. Было темно, лишь языки пламени лизали очаг. Сын зажег свечи, и некоторое время они сидели у огня молча. Кузнец ощущал лишь усталость и боль утраты. Наконец он огляделся, словно бы приходя в себя.

— Почему ты один? — спросил он у Неда.

— Как почему? — Сын посмотрел на него с упреком.— Мама в Малом, у Нэн. Сегодня малышу исполнилось два года. Они надеялись, что ты тоже придешь.

— Да, правда. Мне бы следовало быть там. Пришлось кое-что обдумать, и это отодвинуло все остальное на второй план. Но я не забыл о малыше Томе.

Он вытащил из нагрудного кармана небольшой футляр из мягкой кожи.

— Я кое-что принес для него. Старый Нокс назвал бы это безделицей, но она из Волшебной Страны, так-то, Нед.

Из футляра Кузнец достал серебряную вещицу, похожую на лилию с гладким стеблем и тремя распустившимися нежными цветками. Они наклонили свои головки вниз, как колокольчики. Это и были колокольчики: если до них дотронуться, каждый цветок отзывался тихим, ясным звуком, от которого дрожало и на миг вспыхивало белым светом пламя свечей.

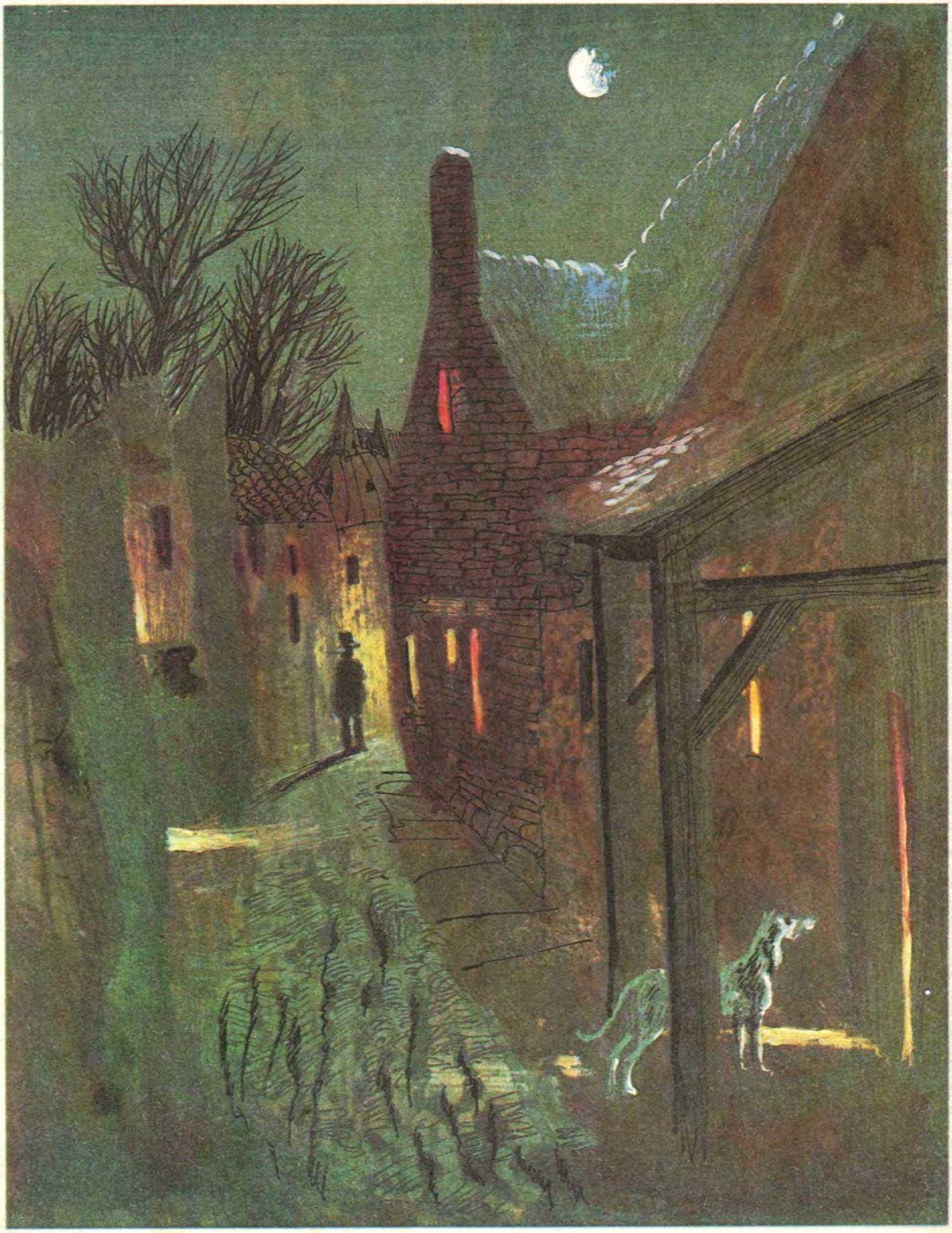
Глаза Неда округлились.

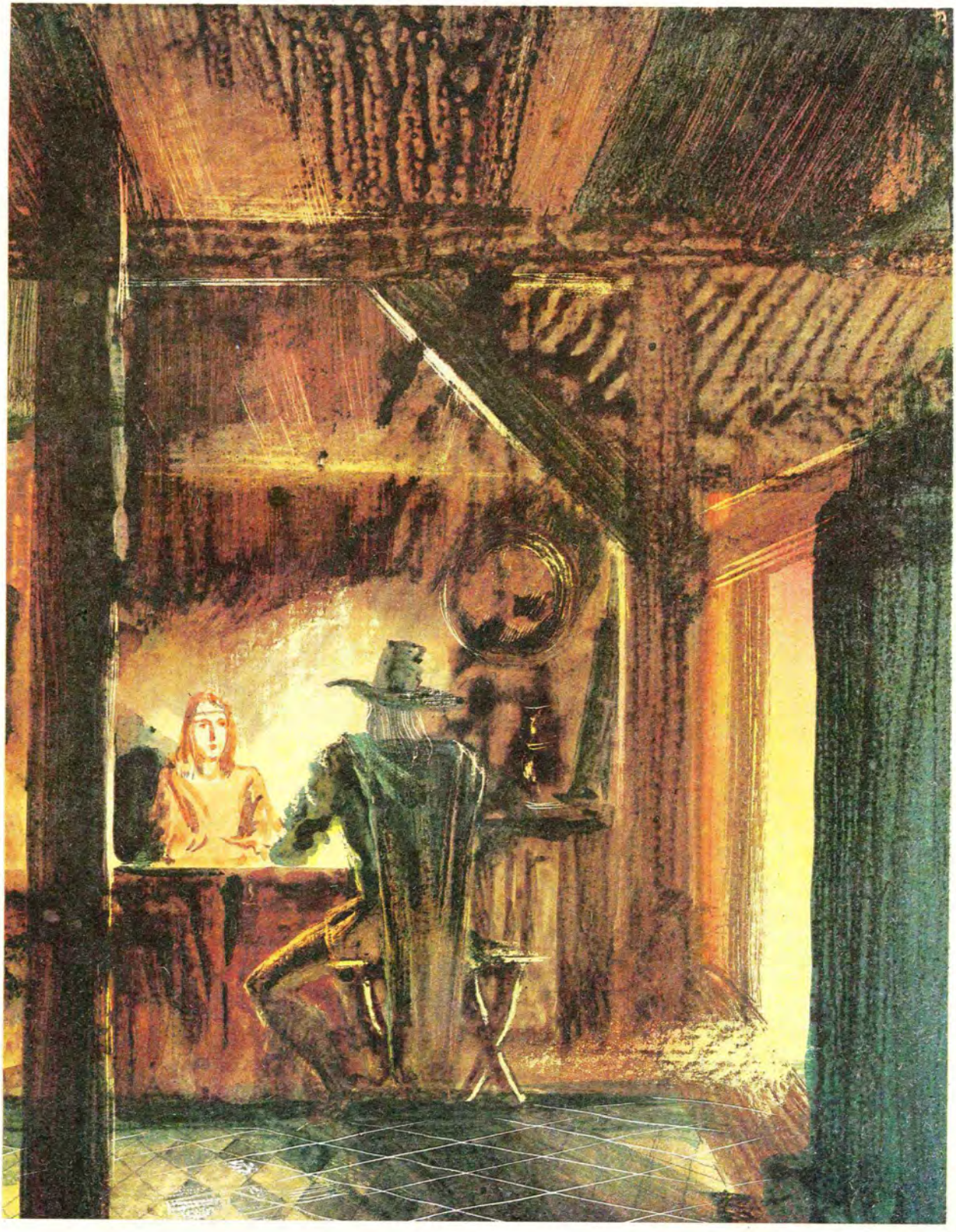
— Можно мне рассмотреть это получше, папа? — И он взял его кончиками пальцев и стал вглядываться.— Какая изумительная работа, папа! Да ведь он пахнет. Где-то я уже слышал этот аромат, где-то... нет, не помню!

— Да, запах появляется после того, как умолкнет звук. Не бойся взять его в руки. Цветок ведь сделан для ребенка. Его не так-то просто сломать, и об него невозможно пораниться.

Кузнец убрал цветок обратно в футляр. «Завтра я сам отнесу его в Малый Вуттон. Может быть, тогда Нэн с мужем и мать простят меня. Ну, а малышка Том — еще не пришло его время считать дни... да и недели, месяцы и годы тоже».

— Правда, иди, папа! Хотел бы и я пойти с тобой, да, видно, придется подождать. Даже если бы я не ждал твоего возвращения, я все равно не смог бы сегодня пойти. Уж очень много работы, а завтра будет еще больше.





— Нет, так не годится, сынок. Тебе надо отдохнуть. Хоть я теперь и дедушка, руки у меня от этого не ослабели. Мы быстро управимся с любой работой. И так будет теперь каждый день. Я больше не буду уходить, Нед. Уходить так далеко... Ты понимаешь меня?

— Так вот что!.. А я-то думал, куда подевалась Звезда? Тебе, наверное, очень тяжело сейчас.— Он взял отца за руку.— Но

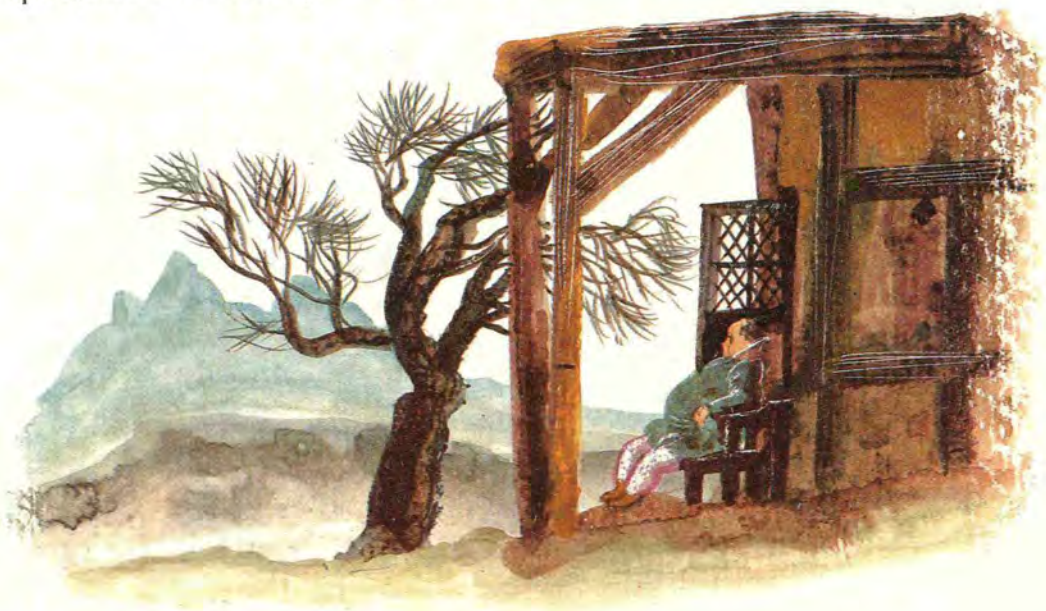
знаешь, в этом есть и свои хорошие стороны. Подумай о нас. Ты ведь сможешь многому научить меня теперь, у тебя будет время. Я говорю не только о мастерстве.

Они вместе поужинали и долго еще сидели за столом. Кузнец рассказывал о последнем путешествии в Волшебную Страну и о разных других вещах, которые приходили ему в голову, но о выборе следующего обладателя Звезды он ничего не сказал.

— Папа, а помнишь тот день,— сказал Нед,— когда ты вернулся с Живым Цветком? Я тогда сказал, что у тебя тень, как у

великана. Значит, это правда?.. Ты танцевал с самой Королевой! И все же тебе пришлось отдать Звезду. Надеюсь, она достанется кому-нибудь не менее достойному. Ребенок должен быть благодарен.

— Ребенок ничего не узнает,— сказал Кузнец.— Так всегда бывает с такими дарами. Ну да ладно. Я свое дело сделал и возвращаюсь к молоту и наковальне.



Как это ни удивительно, но старый Нокс, хоть и насмехался над Учеником, так и не смог забыть об исчезновении Звезды. С тех пор прошло много лет. Он растолстел, обленился и ушел на покой, когда ему едва исполнилось шестьдесят (в деревне это считалось далеко еще не старостью). Сейчас ему шел девятый десяток, он стал толстым, как бочка, но ел все так же много и обожал сладости. Все дни он проводил или за столом или в большом кресле у окна, а в хорошую погоду — на крыльце. Он любил посудачить с соседями, но в последнее время его разговор все

чаще возвращался к тому самому несравненному Большому Пирогу, творению его рук (в этом он был абсолютно уверен). Даже когда он засыпал, ему снился Пирог.

Иногда Ученик останавливался у ворот перекинуться словом. Старый повар все еще звал Элфа Учеником, а к себе требовал обращения «Мастер». Ученик никогда об этом не забывал, что, конечно, говорило в его пользу, и все же у Нокса были собеседники и поприятнее.

Однажды днем, после обеда, Нокс сидел в своем кресле на крыльце и клевал носом. Внезапно он проснулся. Над ним стоял Ученик и смотрел на него.

— А, это ты. Рад тебя видеть. Все не могу забыть об этом Пироге. Сейчас вот опять о нем думал. Как-никак это был мой лучший Пирог. Или, может, ты забыл?

— Ну что вы, Мастер. Я все помню. Но стоит ли так волноваться? Это был хороший Пирог, он всем пришелся по вкусу и заслужил похвалы.

— А как же, конечно, ведь его сделал я! Но меня волнует не это. Я все думаю о той безделице, о Звезде. Ума не приложу, что с ней стало. Конечно, она не могла растаять. Это я только так сказал, чтобы успокоить детей. Я все думаю — уж не проглотил ли ее кто-нибудь... Хотя вряд ли. Она ведь не монетка, чтобы ее не заметить. Хотя и маленькая, а края острые.

— Все это так, Мастер, но вы ведь не знаете, из чего она сделана. Не стоит ломать голову. Ее действительно проглотили, уверяю вас.

— И кто же это? Я на память не жалуюсь, а этот день помню, словно он был вчера. И всех детей могу назвать по именам. Дайка подумать. Должно быть, это мельникова Молли. Она всегда была обжорой, глотала, толком не прожевав. Зато теперь толстая, как мешок с мукой.

— Да, Мастер, некоторые люди имеют к этому склонность. Но Пирог Молли ела осторожно и нашла там две монетки.

— Правда? Ну, тогда это, должно быть, Гарри, сын бондаря. Не мальчишка был, а бочонок, и рот огромный, как у лягушки.

— Я бы сказал, Мастер, что он был хорошим мальчиком, просто, широко и дружелюбно улыбался всем. А ел он так осторожно, что вначале разрезал Пирог на кусочки, но ничего там не нашел.

— Ну, тогда это точно была Лили, дочь суконщика. Помню, такая маленькая, бледненькая, а еще в колыбели глотала булавки, и хоть бы что!

— Нет, Мастер, это была не Лили. Она съела только тесто и глазурь, а всю начинку отдала мальчику, который сидел рядом.

— Тогда я сдаюсь. И кто же это был? Похоже, ты с них глаз не спускал, если, конечно, сейчас все не выдумал.

— Это был сын Кузнеца, Мастер, и, я думаю, Звезда пошла ему на пользу.

— Так я и знал,— рассмеялся Нокс.— Ты меня дурачишь. Не говори глупости! Кузнец был тихим, медлительным мальчиком. Сейчас от него куда больше шума, он, говорят, еще и поет! Но тогда это был разумный, осторожный мальчик, который никогда не делал глупостей.

— Что ж, Мастер, если вы мне не верите... Да это уже и не важно. Может быть, вам будет приятно узнать, что Звезда вернулась обратно в коробку. Вот она.

Нокс только сейчас заметил, что на Ученике был темно-зеленый плащ. Из его складок он вытащил ту самую черную коробку и откинул крышку перед носом старого Повара:

— Вот она, Мастер, там, в углу.

Нокс тут же принялся чихать и кашлять, но все же заглянул в коробку.

— Да, это она,— произнес он.— Во всяком случае, похожа.

— Это она, Мастер. Я положил ее туда недавно своей рукой. А этой зимой она снова попадет в Пирог.

— А-а! — Нокс покосился на Ученика и вдруг рассмеялся, и смеялся до тех пор, пока все тело его не задрожало, как студень. — Ну конечно! Детей было двадцать четыре, сюрпризов тоже. Звезда была лишней, и ты ее стащил, перед тем как ставить Пирог в печь, и оставил до лучших времен. Ты всегда был ловкий парнишка, можно даже сказать, шустрый. Да и экономный тоже — зря крошки не выбросишь. Ха-ха. Так вот как все вышло. Я мог бы и сам догадаться. Теперь понятно. Ну, а сейчас я бы хотел немного вздремнуть. — И он поудобнее уселся в кресле. — А тебе советую следить получше за своим Учеником, а то как бы он тебя не разыграл. Говорят, на всякого хитреца найдется перехитрик. — С этими словами Нокс закрыл глаза.

— Ну что ж, прощайте, Мастер. — И Элф захлопнул коробку с таким щелчком, что старый повар снова открыл глаза. — Послушай, Нокс, — сказал Элф. — Твоя мудрость так велика, что за все это время я лишь дважды осмелился что-то сказать тебе. Я сказал тебе тогда, что Звезда эта из Волшебной Страны, и вот теперь сказал, что она досталась Кузнецу. Оба раза ты посмеялся надо мной. Теперь, на прощание, я хочу сказать тебе еще кое-что. Вряд ли тебе станет смешно и на этот раз! Нокс, ты старый, тщеславный мошенник, толстый, ленивый и хитрый. Я выполнял за тебя всю работу и ни разу не слышал слова благодарности. Ты научился от меня всему, но только не уважению к Волшебной Стране и хотя бы подобию вежливости. Ты даже не здороваешься со мной!

— Ну уж коли речь зашла о вежливости, то никому не дозволено срамить людей старых, но бравых и мастаков своего дела. Морочь голову своей Волшебной Страной кому-нибудь другому. А теперь проваливай! — Нокс притворно всплеснул руками. —

Или, может быть, у тебя на кухне спрятаны твои друзья волшебники? Тогда сделай милость — пришли мне одного, я хотел бы на него поглядеть. Вдруг он взмахнет своей волшебной палочкой и сделает меня снова худым! Тогда я, может, и поверю.— И он рассмеялся.

— Может быть, вы уделите несколько минут Королю Волшебной Страны? — был ответ.

И, к ужасу Нокса, при этих словах Элф вырос. Он сбросил плащ и стоял теперь, одетый во все белое, как Мастер Повар во время Праздника. Его одежды мерцали и отбрасывали блики, а во лбу его, словно звезда, светилось драгоценное украшение. Лицо его было молодым, но строгим.

— Старик,— произнес Король,— ты вовсе не старше меня. Мастак!.. Жалкий неумёха, ты насмехался надо мной за моей спиной, так брось же мне вызов в открытую! — Он сделал шаг вперед, и Нокс весь сжался и задрожал. Он хотел закричать, позвать на помощь, но едва лишь выдавил шепотом:

— Господин, пощадите меня... Я всего лишь бедный старик.

Лицо Короля смягчилось.

— Увы, это так. Вот сейчас ты сказал правду. Не бойся, я не трону тебя. Но должен же Король Волшебной Страны что-то сделать для тебя на прощание? Твое желание будет исполнено! Прощай. Теперь ты уснешь.

Он снова завернулся в плащ и медленно пошел в сторону Чертога. Элф еще не совсем скрылся из виду, а выпученные от испуга глаза старого повара закрылись, и он засопел.

Когда Нокс проснулся, солнце уже клонилось к западу. Он протер глаза и поежился от зябкого осеннего воздуха. «Ох, ну и сон! Не иначе как это из-за той свинины, что я ел за обедом». И с этого дня он стал так бояться, что ему снова приснится что-нибудь в том же духе, что почти ничего не ел, чтобы не «рас-

страиваться». Он ел теперь лишь самую простую пищу и скоро похудел. Одежда и его собственная кожа висели на нем складками, и дети дразнили Нокса старым мешком с костями. Вскоре он обнаружил, что снова может ходить по деревне с помощью всего-навсего палки. Это добавило много лет к его веку — говорят, Ноксу недавно исполнилось сто лет. Это единственное, чего он достиг в жизни. До последнего дня он говорил всем, кто еще мог слушать эту историю:

— Может, это вам покажется необычайным, но, если взглянуть на дело здраво, это был просто дурацкий сон. Король Волшебной Страны! Да у него даже не было волшебной палочки! А если перестанешь есть, то худеешь. Это естественно, и ничего тут нет волшебного.

Настало время Праздника. Кузнеца пригласили петь песни, а его жену — помочь управиться с детьми. Кузнец смотрел на детей, пока они плясали и пели, и думал, насколько они краси-

вее и живее, чем товарищи его детства. У него промелькнула мысль: «Интересно, чем занимался Элф в свободное время?» Казалось, каждый из ребят был достоин получить Звезду. Особенно внимательно Кузнец смотрел на Тима. Это был пухлый мальчик, неуклюжий в танцах, но с приятным голосом. За столом он сидел молча и смотрел, как точат нож и разрезают Пирог. Неожиданно он сказал:

— Дорогой Мастер Повар, только отрежьте мне совсем маленький кусочек, пожалуйста. Я столько съел, что больше уже не могу.

— Хорошо, Тим,— сказал Элф,— я отрежу тебе особый кусочек. И думаю, ты его легко проглотишь.

Кузнец смотрел, как Тим ест свой кусок — медленно, но с видимым удовольствием. Правда, не обнаружив монетки, он опечалился. Но вот свет полился из его глаз, он засмеялся и стал тихо напевать. Вдруг он встал и принялся танцевать сам с собой с такой неожиданной для него грацией, что дети засмеялись и захлопали в ладоши.

«Значит, все в порядке,— подумал Кузнец.— Ты мой наследник. Хотел бы я узнать, куда приведет тебя Звезда, в какие неизведанные места. Бедный старый Нокс... Хотя вряд ли он узнает, какой скандал случился в его семье».

Он об этом и не узнал. Зато он узнал о другом, и это очень его обрадовало. Незадолго до конца Праздника Мастер Повар попрощался и с детьми и со взрослыми.

— Прощайте,— сказал он.— Через день-другой я уйду из вашей деревни. Мастер Харпер займет мое место. Он очень хороший повар и к тому же здесь родился. А я возвращаюсь домой. Думаю, вы будете не очень скучать по мне.

Дети довольно весело попрощались с Поваром и вежливо

поблагодарили его за прекрасный Пирог. И только маленький Тим взял его за руку и тихо сказал:

— Как жалко!..

Несколько семей в деревне все же скучали по Элфу. Его друзья, особенно Кузнец и Харпер, горевали о его уходе и всегда следили за тем, чтобы краска и позолота в Чертоге не облупля-лись. Большинство же было довольно: люди всегда радуются переменам, да и Элф чересчур зажился в деревне. А старый Нокс стукнул палкой по полу и сказал напрямик:

— Ушел наконец! Я так рад! Никогда он мне не нравился. Хитрый он был и уж больно шустрый.

ТОЛКИЕН Джон Роналд Руэл

КУЗНЕЦ ИЗ БОЛЬШОГО ВУТТОНА

английская сказка

в переводе Ю. НАГИБИНА, Е. ГИППИУС
художник С. ОСТРОВ

Ответственный редактор
И. К. ПАВЛЮЧИК
Художественный редактор
А. Б. САПРЫГИНА

ЛР № 061597 от 10.09.92

Сдано в набор 24.09.93. Подписано к печати 10.11.93. Формат 84×108/16. Бум. офс. № 1. Шрифт бодони. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,3. Уч.-изд. л. 5,05. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1460. С 5.

Издательство «МОНОЛОГ». 109176, Москва,
Симоновский вал, 20/4.
Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Мининформпечати РФ. 127018, Москва Сущевский вал, 49.

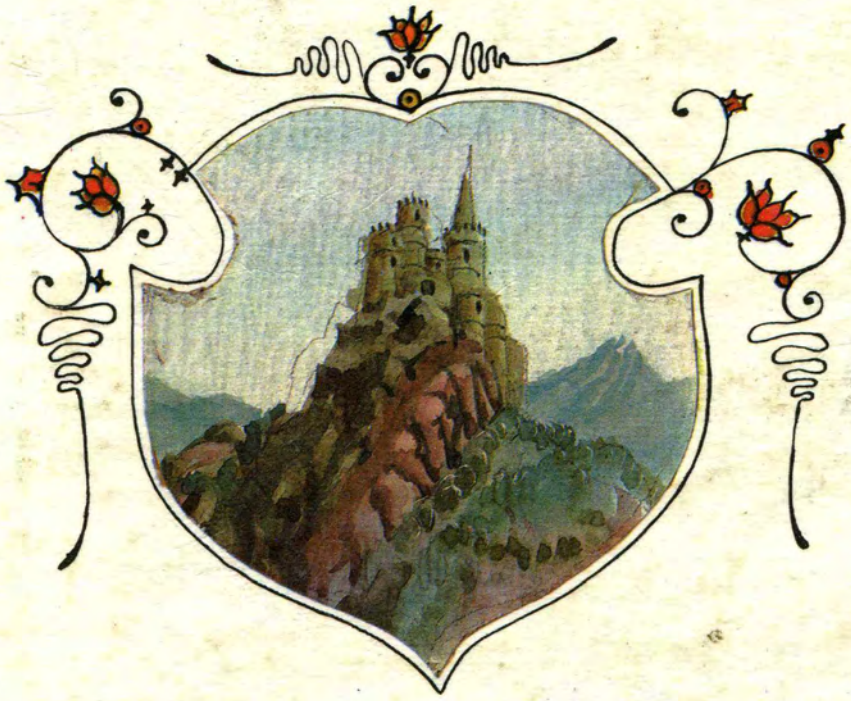
ББК 84.4.(Вл.)

©ОСТРОВ С., оформление, 1993
©НАГИБИН Ю., предисловие, перевод, 1993
©ГИППИУС Е., перевод, 1993

Толкиен Дж. Р. Р.

Т 52 Кузнец из Большого Вуттона: Сказка/Пер. с англ. Ю. Нагибина, Е. Гиппиус; Предисл. Ю. Нагибина; Худож. С. Остров.— М.: Монолог, 1994.— 59 с.: ил.

ISBN 5–86431–005–0

Сказка, рассказывающая о талантливом человеке, о его красоте и мастерстве.

Т $\frac{4803020000–005}{9Р4(03)-94}$ Без объявл.